

Владимир АРИСТОВ

Владимир Аристов родился и живет в Москве. Стихи печатались в периодике, в журналах «Юность», «Новый мир», «Знамя», «Комментарии», «Уральская новь», «Арион», «Воздух» и др., переводились на различные языки, входили в отечественные и зарубежные антологии («Строфы века», «Самиздат века» и др.) Рассказы, эссе, статьи публиковались в журналах и сборниках, в трудах литературоведческих конференций. Автор одиннадцати изданных поэтических сборников, последняя вышедшая книга «Открытые дворы (избранное)» (НЛО, 2016). Опубликовано также роман «Предсказания очевидца» (2004), пьеса «Театр одного философа» (2013). Литературные премии: им. Алексея Крученых (1993), им. Андрея Белого (2008), «Различие» (2016). По образованию физик и математик, окончил МФТИ, доктор физико-математических наук. Предыдущая публикация в «Волге» – «Жизнеутвердительные рассказы» (2018, № 1-2).

РАССКАЗЫ

из цикла «Жизнь незамечаемых людей»

Звездное домино

В Америке что мне нравится: можно встретить американца самого разного происхождения, например, потомка русского, афроамериканца, азиоамериканца и индейца одновременно. Трудно предположить, что все четыре его предка могли встретиться где-то вместе. Хотя допустимо представить, что они могли встретиться вчетвером за квадратным столом. Чтобы сыграть партию в домино. Чтобы она быстро не заканчивалась, они решили разыграть морского козла. Четверо сидели по сторонам стола, и белые точки домино в их руках светились, как звезды. Игроки они были примерно равные по силам. Хотя, понятно, что индеец как представитель титульной нации доминировал, но не значит, что он постоянно выигрывал. Более того, когда после часа напряженной игры все стали подсчитывать свои выигрыши и проигрыши, то с удивлением обнаружили, что все – пусть в небольшом – но в убытке. Они посмотрели друг на друга, а потом перевели свой взгляд на стол. Свои деньги на кон – там монеты и купюры были разных стран и достоинств – они клали в центр стола, а цепь фишек, или в просторечии косточек домино, они выкладывали вокруг этого центра. Например, в виде скелета рыбы. Они пристально скрестили все четыре своих разных взгляда центре стола и тут поняли причину своей недосдачи. Они отгребли смятые купюры в стороны и увидели, что в самом геометрическом центре время от времени приоткрывается отверстие величиной с зрачок очень большого человека и понемногу и потихоньку проглатывает их деньги. Более того, когда они пытались запустить в эту дыру руку, то обнаружили, что дна не прощупывается. Один из них, кажется, афроамериканец громко предположил, что это если не ход в другую звездную систему, то хотя бы на другую планету. Стали думать, кто первым полезет в эту дыру. Потому что деньги – не шутка. Решили бросить жребий, но не знали, как поточней это сделать. Потом решили, что не до точности сейчас. Выбрали одного из четырех, и он смело полез в отверстие. Когда он был уже по пояс в дыре и все мысленно с ним уже попрощались, он все еще не говорил им «до свиданья», что-то все чего-то выжидал. Наконец он оперся о края отверстия и вылез обратно. Выбрали еще одного, но история повторилась. Наконец третий выбранный расхрабрился и сказал, что уйдет в дыру с головой, но только чтобы его опускали туда на веревке. Все сняли брючные ремни и исполнили его желание. Наконец, когда он скрылся из виду, все стали ждать. Через недолгое время веревка из ремней в их руках слабо задергалась, и его извлекли наружу. Его спросили, что он там видел, он сказал, что ничего интересного. «Но ты прав, –

обратился он к афроамериканцу, – там действительно видно звездное небо, я даже узнал некоторые созвездия, – это, похоже, наше небо, но какая-то уж очень древняя карта звездного неба взята за основу, не античная ли? Как-то неумело срисовано». «Но звезды-то живые?» – спросили его. «Похоже», – ответил он. «А где деньги-то наши?» – задали ему еще вопрос. Он только отмахнулся, но на него не обиделись, хотя некоторые и подумали, что он отмахнулся от них.

Аквапарк

Два студента одного финансово-экономического вуза во время большого дневного перерыва между занятиями любили заходить в небольшой парк рядом. Они обычно пили пиво и говорили о возвышенном. Они, как правило, садились на скамейку, перед которой был маленький квадратный пруд, похожий на плавательный бассейн, по дну он был выложен красивой кафельной плиткой, но совсем мелкий – только-только ступни замочить. Сзади за скамейкой находилась высокая мемориальная, по-видимому, плита – почти стена, на которой были высечены какие-то имена. Но они не обращали на нее внимания, потому что сидели к ней спиной и говорили о своем, более важном. Но тут, подходя к скамейке, – может быть, потому что под весенним дождем высеченные буквы сверкнули ярче, – один из них взгляделся в эту плиту и вдруг даже схватил другого за руку:

– Там мое имя значится, – как-то недоуменно-испуганно и глуповато-радостно проговорил он. И они подошли к высокой плите за скамьей, и он прочел вслух:

– Да, Миронов Сергей Николаевич, и год рождения совпадает.

– Ну, мало ли таких однофамильцев у тебя, – сказал второй. Но на всякий случай пробежал глазами по алфавитному списку и в свою очередь схватил приятеля за руку:

– Да, Степаняков Альберт Дариевич, и год мой. А я ведь не только такого имени-отчества, но и фамилии ни разу в жизни не встречал.

И они стали читать, что написано на плите – раньше и в голову это не приходило. Там значилось, что монумент – в честь спасенных детей, которые могли бы утонуть в аквапарке, если бы он был построен здесь. Но строители вовремя прекратили стройку, потому что на основе новых методов определили и вычислили, что в аквапарке произойдет авария-катастрофа. И многие дети погибли бы. Имена предполагаемых жертв были также определены благодаря новым математическим моделям и занесены на эту мемориальную плиту. Ниже под длинным списком имен детей значились имена строителей, которые были награждены медалью «За спасение на водах». Студенты несмотря на дождь тут же зашли в интернет и прочли дополнительно о том, что все строители были премированы суммами в размере 302,59 рублей для приобретения именных резиновых купальных шапочек. И что небольшой этот парк разбит на месте мнимого аквапарка.

Студенты наконец все поняли, но недоумению их не было конца. Когда, вернувшись в институт, они все рассказали двум однокурсницам, с которыми у них завязались дружеские отношения, те им сперва не поверили. И предположили, что все это они выдумали под воздействием винных паров. Но те поспорили на что угодно, что это правда. И вот после занятий вчетвером – было еще по-весеннему светло – они отправились в парк. И девушки признали свою ошибку, а одна, блуждая глазами по списку имен, с изумлением обнаружила и свою фамилию. Вторая студентка уже с надеждой искала себя, но не нашла. Тогда они вдруг поняли, что все трое поименованных живут неподалеку, а вторая девушка совсем из других мест Москвы – откуда-то с северо-востока.

– Понятно, что ты вряд ли бы собралась за семь верст хлорированной воды хлебать, – сказал ей первый студент.

– Кто знает, кто знает, – несколько даже обиженно сказала она. – Эти расчетчики думают теперь, что могут все вычислить, все будущее за каждого предсказать, но ведь это ужасно, да и вранье.

– Ты права, – согласилась с ней первая студентка. – Они все теперь наблюдают... все знают про тебя... я имею в виду про меня... но и про тебя тоже... и про всех остальных. Мне рассказывали, что у нас в институте собираются установить не только улавливатели дыма – это-то давно есть, чтобы ловить курильщиков... но собираются запретить ругаться матом... совсем... и будут какие-то словоулавливатели стоять, будут распознавать образы тех, кто говорил, и штрафовать вплоть до исключения из института.

– Да, ужасно, – сказала вторая студентка, – сама я не ругаюсь матом... почти... но я за свободу.

– Да некоторые не смогут тогда учиться, им это необходимо вслух проговаривать, иначе мысль их не движется, – заметил первый студент Миронов.

– Тогда надо отвести особые комнаты вроде курительных. Или пусть носят на лице маски, а говорят тихо, чтобы приборы не улавливали, – сказал второй студент Степаняков.

– Да, будем ходить в масках, как в Азии ходят, чтобы не заразить других птичьим гриппом, – сказала первая студентка.

– Невозможно так жить, – сказала вторая. – Давайте вчетвером уедем в маленький сибирский городок. Думаю, там будущие финансисты нужны.

– Скорей, финансисты будущего, – загорелся первый студент.

– Да, если здесь людей из будущего вычисляют, то мы будем благороднее поступать, – мы будем поворачивать будущие финансовые потоки и реки, чтобы они стремились в Сибирь.

– Да к нам тут же слетятся, как белые мухи на лед, желающие работать, – сказал первый.

– Да, мы создадим несколько рабочих мест, чем заслужим одобрение в глазах окружающих, – сказала первая студентка.

– Но все же, не находите, что это как-то мелко? – спросил второй.

– Да, как вот этот открытый бассейн, – сказала вторая, показывая на квадратный пруд, – где и воробью по колено... оставленный на месте пусть ужасного, но глубокого аквапарка.

И все четверо здесь же под каплями весеннего дождя дали друг другу торжественную клятву жить и думать так, чтобы превышать все время самих себя с тем, чтобы стать невычислимыми и неисчислимыми.

Незнайко

На ночь, чтобы убаюкать себя, задумал он рассказать, одновременно и вслух и про себя, русскую народную сказку «Незнайко». Сюжет он помнил плохо, поэтому решил украсить ее эротическими деталями, но, как ни старался, не смог. «Насильно мил не будешь», – подумал он. Дело происходило там задолго до поры глухого средневековья, – Незнайко олицетворял тягу к знаниям из глубин язычества, только-только освободившегося от магического детерминизма. Смотрел он, конечно, снизу вверх на новую свободу нарождающегося христианства. Христианство, в свою очередь, снисходительно относилось к этим попыткам познания. Все совпало. Так что Незнайко стал не только культурным героем. Внутри сказочной фабулы он двигался достаточно уверенно и все же хотел понять и нечто другое. В лесу, допустим, встретив волка, Незнайко улыбался ему широкой улыбкой непонимания, – волк только пожимал плечами. Сама собой сказка сказывалась, да все же не скоро сказывалась, а как-то долго, что же говорить об остальном? В той сказке было, безусловно, немало волшебного. Знакомый конь посоветовал Незнайко надеть на голову бычий пузырь и на все вопросы отвечать «Не

знаю». За что он и получил потом такое прозвище. Сквозь этот непрозрачный шлем он мало что видел, да и его различали с трудом, так что считали жителем другого мира и смеялись над ним. Так и ходил Незнайко – дух познания – по только что появляющимся городам и селам в самом расцвете и своим ответом, а по сути вопросом предвосхищал искусство будущего Николая из Кузы с его ученым незнанием. Потом с годами, немного устав, Незнайко оседлал своего коня-помощника и стал ездить на нем, наводя ужас красоты на все окрестные места. Не то чтобы стал он образцом, но мерная поступь мудрого коня задавала тот ритм, который не столько убаюкивал, сколько, можно сказать, пробуждал нас для вешего сна.

Два Николая (Отчим)

Вечером в дверь позвонили. Ребята вместе подошли и, естественно, спросили: «Кто там?» Приятный мужской голос отчетливо произнес пароль из шести букв, что сделать, казалось бы, нелегко – это было нечто нечленораздельное. Мама им настрого наказала никому не открывать, если тот не знает или не сможет произнести выдуманное слово из шести букв. Но, судя по всему, там был кто-то свой. Они открыли дверь. На пороге стоял человек. Он был достаточно огромный. Лица его толком было не разглядеть, потому что в прихожей было темно, а на лестничной площадке наоборот. Тот протянул руку, и оба мальчика из вежливости, чтобы не здороваться через порог, вышли на площадку. Незнакомый мужчина смело шагнул в квартиру и там сказал:

– Я ваш новый... да что я говорю... я просто ваш отчим... меня мама ваша просила проследить за вами... ну, не проследить... а попребывать с вами.

– А как вас зовут? – робко спросил младший.

– Иван Кузьмич Негропонтов. А вас?

– Меня Николай, – сказал старший.

– А тебя? – спросил отчим младшего.

– Николай. Можно называть второй Николай.

– Да как же такое может быть? У вас одинаковые имена?

– А что тут такого? – спросил старший, – мы привыкли.

– Не путают вас?

– Да мы разные, – сказал Николай, – я же на год старше брата.

– Второго Николая или Николая второго?

– Второго Николая.

– А ты просто Николай? – спросил Негропонтов старшего, – а почему не Николай первый?

– Наша мама очень не любила Николая Первого.

– Почему?

– Потому что он сильно затянул с реформой крестьян.

– Понятно. Но вообще мама велела мне делать с вами уроки.

– Мы этим как раз и занимаемся. Если хотите, тоже садитесь рядом. – разрешил Николай.

Полдвенадцатого, когда вернулась мама, трое сделали почти все уроки. Мама пахла дорогим, по-видимому, алкоголем и сильными духами.

– У тебя какие-то незнакомые духи, – заметил Негропонтов.

– Да они когда прощаются с подругами, целуются, лобызаются со всеми, – пояснил второй Николай.

– С завтрашнего дня я буду жить некоторое время вместе с подругами, у нас важное дело, – произнесла мама и довольно быстро заснула.

На следующий вечер, когда трое делали уже новые уроки, в дверь позвонили. Негропонтон как старший подошел к ней и спросил: «Кто там?» Незнакомый голос пароля не знал, но стал уверять, что он их участковый. Негропонтон спросил его резонно, зачем тот пожаловал. Тот сказал, что ему поступил сигнал от соседей, что в квартире проживает незнакомец. Отчим долго изучал через отверстие в двери документ участкового и затем явно неохотно впустил его в квартиру.

– Кто вы такой? – поинтересовался в свою очередь участковый, проникнув на кухню. Негропонтон достал паспорт, и участковый сказал, что заберет документ для проверки. Тот не согласился, и они долго тянули паспорт каждый в свою сторону, пока Негропонтон не вытянул его обратно. Потом они долго сидели друг против друга, запыхавшись.

– А чем вы тут занимаетесь с детьми? – наконец спросил участковый.

– Не видите, уроки делаем, – сказал Николай, – а вообще-то отчим-то наш очень хороший человек.

– А вы давно с братом его знаете?

– Давно, больше суток.

– Так. А где мама-то ваша?

– Она на квартире с подругами делает газету «Российская женщина», – сказал второй Николай.

– На квартире... газету?

– А они ее сразу в интернет отправляют.

– Ясно. Ну, и о чем уроки, чтобы их втроем надо делать?

– Мне надо написать сочинение, – сказал Николай, – о том, что может быть общего в образах Чацкого и Онегина.

– Знакомые фамилии, – произнес медленно участковый, – а, ну да... «Онегин» – это же опера... я в этой опере пел Ленского.

– Где это? – почему-то с недоверием спросил Негропонтон.

– В милицейской самодеятельности. У меня на сцене голос прорезался. А ваш Чацкий... тоже знаком мне... да я же в этом спектакле участвовал... Там был еще такой скользкий тип... и притом безвольный... как же его? Молчанов.

– Молчалин, – поправил Николай.

– Точно. Вспомнил он противостоял волевым таким настоящим личностям – Софье, Фамусову, да и Чацкому вашему.

– А вы-то кого играли? – спросил отчим.

– Генерала... как же его?

– Скалозуб, – подсказал опять Николай.

– Фамилию не запомнил... важно, что генерал. Понимаете, я – лейтенант – играл генерала... Представляете, какая ответственность?

– Ну и справились? – спросил Негропонтон.

– Если честно, начальство сказала, что не очень. Но вообще оно строго смотрело за нами. Там, в драме той, кто-то к кому-то приставал, но у нас ни-ни. Режиссер все это сократил. Он сказал, что в школе милиции ставили тот же спектакль, режиссер там был ближе к букве, так через год одна артистка обратилась в суд, сказала, что один артист по ходу действия на сцене к ней приставал, причем прилюдно. Привела как свидетелей ползала бывших зрителей – там ведь все свои. Режиссер пытался сказать, что такой был режиссерский замысел и никто тогда при постановке не возражал, но его в суде поправили, – объяснили, что не замысел, а умысел. Так что ему и артисту не удалось отвертеться от ответственности... Но вообще, ваш Чацкий-то тоже... с корабля на бал... потом наверняка с бала на корабль... поматросил... в прямом смысле.

Все замолчали, и вдруг Негропонтон торжественно произнес:

– Да вы же подсказали тему старшему Николаю.

– Что за тема? – спросил участковый.

– Ведь Онегин тоже отправляется в путешествие – какое, неизвестно. И Чацкий, видать, тоже... там они могли встретиться. Вот их общее.

– Да они могли на этом корабле... «Бигль»... встретиться, – неожиданно сказал второй Николай. – Он как раз скоро должен был отправляться... они могли бы на островах увидеть зверей и животных разных...

Участковый, вроде бы собиравшийся уже уходить, как-то странно помотал головою и снова присел вместе со всеми за кухонный стол. Дальше они писали сочинение вчетвером.

– А все-таки Чацкого этого я бы в порту при пересечении границы все же проверил, – сказал участковый.

– Почему? – удивился Негропонтон.

– Да наверняка за ним здесь шлейф тянется... проверить бы его за последний год... летун есть летун... Да и Онегин этот тоже кого-то там бросил... и генерала, правда, другого тоже, кажется, обидел.

– Вы что, не поняли? – воскликнул второй Николай. – Они отправляются вместе в важную экспедицию.

– А цель задания? Провырнуться, а потом прохладиться где-то на островах? Это все нам знакомо.

– Да они, может, исправятся, станут там нелишними людьми для экспедиции. – добавил Николай. – То есть сразу на двух лишних людей станет меньше. Да об этом можно пьесу в стихах написать.

– Сейчас и начнем, – сказал Негропонтон, почему-то потирая руки.

В форме выеденного яйца

Его всегда привлекала современная архитектура. Поэтому он с большим энтузиазмом стал участвовать в свободном конкурсе проектов жилых домов будущего. Он представил проект в виде огромного яйца, из которого улетел птенец птицы Рухх. «И уже не вернется, – так он им и сказал, – не надейтесь». Его проект довольно высоко оценила комиссия. Он занял почетное восемнадцатое место с конца. Так как всего был двадцать один проект, то всего ничего ему не хватило, чтобы быть в тройке. Но быть восемнадцатым тоже было почетно. С конца производился отсчет, потому что первым начинали окончательно просматривать и любоваться именно занявшим последнее место – чтобы компенсировать внимание. Всем конкурсантам вручали ключи от квартиры в их будущих домах. Он с некоторым содроганием думал о том, как будет заселяться в дом его мечты. Но так как это будет по подсчетам нескоро, то можно было как следует подготовиться. Прежде всего запастись скалолазочным оборудованием. Потому что влезать по внутренним вогнутым склонам огромной скорлупы представлялось головокружительной, хотя и заманчивой задачей. Главное, он думал, как втащить туда свой гардероб – многочисленные штаны, носки и галстуки – без которых он жизни не представлял. Ведь стоит упустить хоть одну вещь, она начнет катиться по белому гладкому склону с угрожающей быстротой. Ему не хотелось, чтобы, допустим, его ботинок – в особенности в связке шнурками со вторым ботинком – зашиб какого-нибудь человека – в особенности из союза архитекторов, который стоял внизу и любовался красотой сооружения. Так что ему предстояла новая, но увлекательная задача, как прожить в этом доме чистого будущего и, главное, как затащить туда друзей и знакомых.

Унисекс

Слово явно состояло из двух частей, смысл каждой был ему понятен, но совместное слово вызывало почти сразу улыбку, если не оторопь. Увидев на наклейке на пальто это слово, он хотел кого-то спросить, что оно значит, но спросить вокруг было некого. Он пришел в обширный магазин готового платья, поднялся на лестничном самоподъемнике на четвертый этаж и оказался среди огромных и нескончаемых рядов висящих пальто. Но ни одного не то что покупателя, но и ни одного торгового сотрудника не было видно. Только пальто и куртки разных расцветок. Он зашел сюда, чтобы выбрать себе пальто поприличнее. Пора было что-то поменять в этой жизни. Давно собирался, но как-то все не складывалось. То часы останавливались, когда он уже шел сюда, и приходилось срочно менять батарейку, то еще что-то. Он не был в таких местах довольно давно – по его прикидкам, лет тридцать пять, поэтому многое здесь было ему внове. Он прикидывал, какое бы ему взять, но глаза разбегались, и было не так уж легко. Попробовал он примерить одно, угрофинского, кажется, производства, – пальто показалось ему на вес легче легкого. И он его примерил, не снимая своего. Снять обратно оказалось трудно, но он и с этим справился. То, что некого вокруг было спросить, поселило вначале в нем небольшую тревогу и что-то похожее на дрожь, но он подумал, что если он спит, то скоро проснется, а если – в реальности, то вообще бояться некого и незачем. Он стал – в который уже раз – размышлять о том, как отличить сон от яви. Критерия не было. Рекомендации типа «ущипните себя» не проходили, – он многократно щипал себя во сне и продолжал так же, ну или почти так же мирно спать. Здесь – среди висящих длинных курток и пальто – было самое место поразмыслить об этом не отпускающем предмете. Неоднократно, оказавшись во сне, он сознавал, где находится, но это часто не давало никакого результата. Он не просыпался, хотя и очень хотел этого, так что отличить там явь ото сна было не совсем реально. Если же он начинал в нашей яви – по его предположениям он находился здесь – усиленно размышлять, где он все же находится, то, как он заметил, он скоро засыпал, и все его усилия стирались. Сейчас, держась за эту наклейку на пальто, которое ему очень нравилось, он не знал, кого спросить и что ему делать. Был он человеком без определенного рода мыслей, но в этом, он считал, и состояло его преимущество, может быть единственное, и его надо было развивать. Слово «унисекс» поразило его своей универсальностью, и он хотел раздуть его до вселенских масштабов. Прямо здесь, взяв в руки это невесомое пальто, не подходя к кассе, которой не было видно. Начать нечто новое. Вынести на руках к огромному стеклянному окну над городом этой ненынешней и нездешней земли пальто – как невесомую невесту мысли. Где явь и сон сотканы вместе, – без единого стежка, сколько его не ищи.

Бывший председатель колхоза

Когда-то давно он работал председателем колхоза, но сейчас работал в другом месте. Будучи запенсионного возраста, он лечил животных-пенсионеров. Звери доверяли ему, чувствуя его добрую душу и крепкую руку. Он всегда уверенно делал им уколы и все остальное. В свое время ему много раз говорили, что не видят в колхозе том ничего хорошего. Но он не видел там и ничего плохого. Он вспоминал часто коровьи стада до горизонта, что было некоторым преувеличением. Он видел в воображении много тучных стад, хотя все же большая часть была тощих. Тогда приходилось работать в зоне рискованного земледелия, сейчас-то было по-другому. Приходилось оценивать урожай с каждого гектара. Приходилось подсчитывать убытки, и на эту калькуляцию уходила львиная доля времени. Он всегда стоял горой за гармоничное сочетание труда и отдыха: не отдыхать больше, чем положено, и не работать больше, чем требуется. Так что в тени этой горы можно было скрываться от назойливого летнего зноя. А весь подчиненный подъяремный скот и некоторые отдельные люди чувствовали себя как за каменной стеной.

Не только к крупным животным: лошадям, коровам и свиньям он относился хорошо, уже тогда ему нравились, например, коты и кошки, хотя некоторые члены трудового коллектива пытались его уверить, что, допустим, какой-нибудь кот – это не тварь, а утварь. Но он уже тогда ценил кота не только за его гладкошерстность, полосатость и длину хвоста – он пытался к каждому зверьку отнестись по-человечески, и они отвечали ему тем же. Сейчас эти звери или их потомки припомнили ему старое то отношение, так что к нему на прием выстраивалась достаточно длинная очередь. Хвост этой очереди иногда вырастал чуть ли не с ночи. Так называемые хозяева, а на самом деле по новым правилам лишь доверенные лица зверей, знали, что все будет в порядке. И смело шли в какой-нибудь паб или ночной клуб. Они были уверены, что звери в той очереди не подерутся, не станут выяснять между собой отношения, отложив это до другой более уместной встречи. Бывший председатель иногда выглядывал из кабинета, и иногда с глубокой тоской думал, что именно такого спокойного самосозерцания животных ему не хватало тогда, и что уже поздно учиться у зверей – и надо притворяться, что это ты лечишь их, одновременно учишь их и что-то вправляешь, на самом деле каждый из них понемногу вправляет ему мозги на место, но хватит ли им времени, чтобы объединенными усилиями сделать это? Спросить кроме себя было некого, но он обращал к ним свой взор, надеясь, что все же будет у кого.

Историки

Решился он наконец и направился в один из академических институтов истории.

Смело миновал вход, кивнув уверенно вахтеру, так что тот тоже ему заворожено кивнул. Направился он по наитию к ученому секретарю, и нить интуиции, а вернее, трезвый расчет повели его туда, куда предпочтительно двигались люди, – в направлении к нужным дверям. За столом сидела милая весьма моложавая женщина, которая оживленно беседовала с человеком средних лет с бородкой. Сразу было видно, какой у него пронизательный взгляд.

– Вы что-то хотели? – спросила она, не теряя своей улыбки.

– Да. Вот хотел представить вам свою работу.

– Вы историк? – поинтересовалась она.

– Скорей, из смежной области.

– Какой же?

– Философии.

– У вас есть ученая степень?

– Есть... но другая...

– Еще из одной смежной области, – несколько иронически, но заинтересованно произнес человек с острым взглядом и с бородкой. – Так кто же эта соседка истории и философии?

– Не так важно... Важно то, о чем я хочу рассказать, – заторопился историк-смежник, – дайте мне десять минут, и я конспективно все расскажу.

– Ну разве что две-три минуты, – сказала ученый секретарь. – У нас скоро научный семинар начинается. Так что извините.

– Да я быстро... Вот основное. Надо или можно изображать историю на фоне людских судеб... и не человека как участника и соучастника огромных событий, где он растворен, невидим, но историю одного человека, например, моего деда, в котором история не просто отражена, но он является самой историей – огромная история как она видится ему, буквально создается им... понимаете... история, допустим русской революции, данная через микрокосм... понимаете?

– Что же здесь нового? – несколько напряженно спросил острый человек. – Вы какие-то современные статьи по истории читаете?

– Стараюсь... – как-то неуверенно произнес новоявленный историк. – Но понимаете, будет столько больших историй, сколько людей.

– И история разобьется на тысячи осколков, – сурово произнесла ученый секретарь, – не хватит бумаги, да и виртуального пространства, чтобы все это хранить.

– Но так мы увидим в огромной безжалостной истории отдельного человека.

– Но почему этим человеком должен быть ваш дед? – вновь спросила секретарь.

– Да не только он, не обязательно он, – заторопился пришлый историк. – Важно, что каждый...

– Ну, как всегда, либо что-то безумно радикальное, либо зады трижды известного, – подняв бородку высоко, произнес острый человек. – Вы что, всерьез хотите выступать с такой дилетантской работой?

– Но Марк Блок и Люсьен Февр... – начал новый историк.

– Это прошлый век, – прервал его историк с бородкой. – Если хотите, можете прийти на наш семинар, послушаете...

– Вот вы сказали «радикальный», – не желая еще заканчивать, заторопился новый историк, – по-моему, у меня все весьма умеренное и, можно сказать, весьма почтенное... вот я знаю одного другого историка... это действительно радикал... он полагает, что история как произведение искусства... и к тому же каждый день ее можно и нужно переписывать заново... смелыми мазками... ведь это наше достояние... все в нашей власти... мы можем познакомить английскую Елизавету и нашу Елизавету Петровну, сочетать браком Наполеона с императрицей Марией Терезией, устроить диспут Мартина Лютера с протопопом Аввакумом...

– Чистый постмодерн, – сказала секретарь, – но, кажется, я догадываюсь, о ком идет речь.

– Он мне еще внушал: к ранцам не ходи, не поймут.

– Что он имел в виду?

– Он еще вас иранцами называет, – тех, кто работает в институтах РАН – Российской академии наук... он говорил, что независимые историки сохранились, быть может, где-нибудь по кафедрам провинциальных университетов... но лучше самим что-то создавать... видите, я его не послушался, пришел к вам...

– Да, этот историк-постмодернист... мы его знаем... к нам он тоже захаживал... и продолжает... мы сейчас идем на семинар, если хотите, присоединяйтесь, но только если обещаете вести себя тихо.

– Обещаю.

– Да он тихий, – милостиво улыбнулся историк-бородка. – Вот тот громкий.

– Да уж, тот историк-постмодернист несколько раз себя буйно вел у нас на семинаре, – подтвердила ученый секретарь, но его уже знают и на вахте не пропустят.

Вышел в коридор умеренный историк и в каких-то рассеянных чувствах не знал, куда пойти, как-то автоматически спустился вниз по лестнице. Выйдя из здания, он, ошеломленный услышанным, не сразу понял, какое на улице время года – то ли весна, то ли осень, – что-то межеумочное. И решил все же вернуться в институт на семинар, но дорогу ему преградил вахтер:

– Пропуск.

– Да я только что вышел. Я был сейчас здесь. Вы же меня видели.

– Пропуск.

В этот миг входные двери с громом распахнулись, так что дверные стекла зазвенели, и в институт ворвался какой-то человек, в котором умеренный историк тут же опознал историка-постмодерниста. Одним прыжком тот достиг вахты, прорвался, несмотря на раскинутые в стороны руки вахтера, и семимильными шагами поскакал вверх по лестнице. Вахтер хотел броситься за ним, но понял, что лучше, чем гнаться за двумя, хотя бы одного зайца удержать. И так и стоял, широко расставив в стороны руки.

– Видите, вы его пропустили, – сказал умеренный историк, – а чем я хуже?

– Ничем. Но и не лучше.

И историк был вынужден признать правоту вахтера. Отошел он в сторону и почему-то стал думать о колесе истории. Вначале перед его мысленным взором предстало колесо водяной мельницы. Но это ему не понравилось, и затем явилось огромное колесо на одном московском барельефе, колесо, которое, напрягая все свои мышцы, пытается катить какой-то обнаженный по пояс рабочий. Понял историк, что вспять колесо истории ему не повернуть, но, может быть, ему хватит сил, чтобы направить его хоть немного вбок? Недаром любимым мифическим героем его был Сизиф, и каждое утро, делая гантельную гимнастику, он представлял, насколько Сизиф, вкатывая вверх тяжелый камень, развил свою, особенно грудную, мускулатуру. Поэтому историк поднял и напряг свои руки и под зорким взглядом вахтера стал демонстрировать, какие усилия требует наука, чтобы действительно сдвинуть хотя бы на миллиметр в глубоко пробитой и протоптанной колее это тяжелое колесо истории.

Фигурное мышление

Всегда ей казалось странным и даже диким, что на соревнованиях по фигурному катанию на коньках в парах выступают только лица обоего пола. Вся ее изящная натура протестовала, и неудовлетворенное чувство справедливости звало к ответу. Такая явная дискриминация возмущала ее и волновала в хорошем смысле. Почему мы не видим танцующих пар: мужчин и в особенности женщин? Как двух представительниц граций из трех возможных. Понятно, что вместе танцевать однополым близнецам было бы странно – они бы путались друг в друге, – кто с кем танцует. О трех близнецах и говорить нечего. Некоторые сказали бы, что это цирк. На что, впрочем, им можно было бы ответить: «Да, цирк, но в хорошем смысле». Но мечтой ее было увидеть пару стройных, на себя непохожих, девушек. В этот миг в самый неподходящий момент к ней в квартиру вторглась через интернет ее подруга Т. Но невольно ей помогла. Ее подруга Т. сказала, что нет ничего проще увидеть пару, да нет, даже тройку таких прекрасных девушек – достаточно ясно представить себе картину Боттичелли «Весна», где три такие грациозные девушки, если не сказать, в самом деле Грации, нежно так подняв прозрачные руки, обнимаются как бы через кисею или, может быть, тюль друг с другом. «Мне кажется, – добавила Т., – что одна держит в руке и любитесь чем-то прозрачным, возможно, это конек, сделанный из льда, не находишь, что это красиво?» Но она тут же ответила подруге Т.: «Когда мне говорят “красиво”, я настораживаюсь. Ведь чем ближе к красоте, – тем дальше от жизни. Тебе это в голову не приходило?» «Приходило», – сказала Т. «А надо, чтобы не приходило, а плавно так въезжало. Пусть даже прямо-таки на твоих ледяных коньках. Ты всегда говорила, что у тебя не женская, а железная или, лучше даже сказать, стальная логика. Вот по этой стали на коньках из льда и надо, чтобы это плавно въезжало. Ты можешь представить, что ты не на стальных коньках по льду, а на ледяных коньках по стали въезжаешь к себе в голову? Въезжаешь». «Я уже это пробовала, – возразила ей Т. – И при этом была даже ближе к жизни, чем ты думаешь, хотя немного красоты никому не повредит. Я себе заказала такие коньки и каталась на них по железному полу нашего завода. Но недолго. Коньки под ногами стали таять». «Но так это чудесно, – сказала она Т. в ответном продуманном слове. – Значит, действительно, остается любоваться коньками из льда на свет, на просвет. И когда ты будешь это делать, я тебя обниму и подниму в изящном обхвате над землей». «Но я же тяжелее тебя», – сказала Т. «Но это по жизни, – сказала она, – а там, в виртуальности, куда мы с тобой забрались, все по-другому». «Но не рискуешь ты отдалиться от жизни? – спросила Т. – да и получается, что ты сама себе противоречишь». «Но не могу же я все время противоречить только тебе, – сказала она Т. – Да, я рискую, но мы же должны с тобой

выполнить этот пируэт». «Мне кажется, он будет легче пуха и пера», – в ответ сказала Т. Никто ей не возражал.